

УДК 811.161.1

СМЫСЛ «СОМНЕНИЕ» И РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФАКТОРА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В КОНЦЕПТОСФЕРАХ ГОВОРЯЩЕГО И АДРЕСАТА¹

И. А. Нагорный*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению сущности квалификативного модусного смысла «сомнение» и ситуации относительной достоверности в концептосферах говорящего и адресата как отражение фактора антропоцентризма на коммуникативном уровне. Анализируется план содержания и план выражения сомнения, средства репрезентации сомнения в русском языке, а также модально-кваликативные смыслы в высказываниях с языковыми средствами выражения сомнения.

Ключевые слова: квалификация, смысл, сомнение, коммуникативно-прагматическая ситуация, модально-кваликативные смыслы, концептосфера, частицы.

Попытки описания сомнения в рамках логических категорий возможности и вероятности предпринимались неоднократно [1; 2]. В то же время достаточно очевидна фрагментарность лингвистических исследований этой проблемы, что обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, сомнение базируется на целом комплексе аспектов характеристики предложения как языкового средства выражения мысли, поскольку сомнение является смыслом конкретизирующего характера, который развивается на основе базовых для него смыслов «возможность», «вероятность», «предположение». Во-вторых, в лингвистике пока, к сожалению, отсутствует выработанная системность в подходах к концептологическому изучению сомнения как квалификативного модусного смысла.

Смысл «сомнение» обслуживает речевую ситуацию, которая предполагает квалификацию того, в какой степени событие соответствует действительности. В основе данной ситуации лежит интеллектуальный (рациональный) тип оценки – оценка говорящим полноты своих знаний [3, 162]. Полнота знаний является базой для квалификации обозначенной в высказывании денотативной ситуации как недостоверной, сомнительной с точки зрения говорящего. Ситуация относительной достоверности входит в круг речевых ситуаций и примыкает по ряду параметров к ситуациям прагматическим, то есть ситуациям общения [4]. Такие ситуации разворачиваются на базе денотативных ситуаций, включают совокупность условий, усложняющих представление события в речи указанием на способ авторской интерпретации данного события.

Так как ситуация относительной достоверности – ситуация речевая, некоторые ее статусные компоненты могут быть не представлены на модельном (пропозитивном) уровне предложения, однако на семантическом уровне речевого высказывания данные компоненты фиксируются всегда, например, компоненты «говорящий» и «адресат». Определяя ситуацию относительной достоверности как ситуацию речевую, стоит заметить, что указанные компоненты непосредственно связаны с процессом квалификации достоверности сообщаемого, иначе говоря, являются знаками речевой ситуации, ограниченной коммуникативными параметрами «я – здесь – сейчас».

В конкретном речевом высказывании языковые (денотативные) и речевые (кваликативные) ситуации взаимообусловлены. Первые являются смысловой базой

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

для вторых, вторые же квалификационно трансформируют первые, актуализируя субъективное отношение коммуникантов к условиям, способствующим или препятствующим реализации события в действительности. Средства выражения сомнения в данном случае характеризуются как формальные элементы актуализации межситуативных и внутриситуативных отношений, в которые включается высказывание на коммуникативном уровне.

Сомнение является смыслом концептосферы индивида. Ситуативная сущность сомнения обусловлена тем, что концептосфера базируется на комплексе параметров, среди которых параметр персуазивной квалификации события является одним из наиболее универсальных. Сомнение как операция ментального уровня характерна для субъекта говорящего, мыслящего, чувствующего, воспринимающего. Это операция, помогающая субъекту постичь окружающую действительность, выработать свое отношение к ней, донести свое мнение до адресата-коммуниканта. Сомнение обладает важным свойством: оно универсально по сути, поскольку применяется к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам. Мотивация сомнения может быть различной, объекты же сомнения ограничены объемом индивидуальных картин мира социумов.

Как универсальная, операция сомнения оказывается, с одной стороны, характерной для субъекта вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, универсальность сомнения интегрируется с яркой специфичностью средств его выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения сомнения. Данные языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленной ядерно-периферийной организацией.

Смысл «сомнение» связан с сигнификативными значениями актуализирующих его языковых средств и является в то же время структурной частью общего смысла высказывания [5: 212]. Сомнение увязывается с интенцией говорящего и способностью адресата адекватно истолковать данную интенцию. Как и любой другой прагматический смысл, сомнение базируется на факторе тождественности понимания события коммуникантами, осуществляемое на уровне соблюдения правил кодирования/декодирования информации. Расхождение в этом аспекте следует трактовать как несоотнесенность понимаемого адресатом смысла со значением элемента, вербализующего смысл «сомнение» в высказывании, или интонационным оформлением самого речевого высказывания. Иначе говоря, расхождения в интенциализации/перцептивации высказывания обусловлена несоотнесенностью конкретного коннотативного смысла с одним из денотативных значений понятийного или индексального знака. Думается, именно в этом заключается одна из причин неправильного истолкования смысла «сомнение» адресатом при подобной квалификации события говорящим.

Смысл «сомнение», таким образом, всегда ориентирован на понимание значения, которое является ядром для референции этого смысла в речевом высказывании. Для говорящего смысл, реализуемый, например, модальной частицей *едва ли (вряд ли)*, – это актуальное составляющее ее значения, назначение и цель ее использования автором высказывания в качестве средства квалификации события. Для адресата смысл, заложенный в модальной частице, заключается, во-первых, в получении информации о событии как о возможно сомнительном факте действительности, а во-вторых, – в правильном распознавании при помощи данного знака интенции говорящего, его позиции относительно факта действительности, то есть в конечном итоге – в возможности или невозможности идентификации «точек зрения» говорящего и адресата на коммуникативно-прагматическом уровне.

Поскольку квалификация события как факта сомнительного задана субъектом и для субъекта [6: 60], то в этом смысле она в какой-то мере становится относитель-

ной. Наличие в высказывании частицы указывает на то, что говорящий «увязывает» понятийный знак не только с его денотатом и сигнификатом, но и с различными признаками квалификативных сфер деятельности человека. В высказывании происходит, таким образом, переориентация адресата с понятийных знаков (знаменательных слов) на служебный знак (частицу), используемый для коррекции семантических полей первых. В результате смысл, актуализируемый понятийным знаком, в коммуникативном аспекте может корректироваться служебным знаком как вербализатором важного для говорящего квалификативного смысла «сомнение»: *Вряд ли кому-то, кроме командира, было известно, зачем их послали сюда (Л. Толстой); Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня – вряд ли он видел (С. Аллилуева); И едва ли поэт создал бы свои бессмертные песни о русской природе, если бы не сроднился с нею с первых же лет своей жизни (К. Чуковский).*

Квалификация высказывания в аспекте актуализации авторского сомнения всегда перспективно обусловлена – ориентирована на адресата. Исходя из этого, средства выражения сомнения необходимо отнести к средствам коммуникативно-прагматическим. Это знаки особой логической операции говорящего, адресованной адресату на коммуникативном уровне, сориентированной на адресата. Для последнего языковые средства выражения сомнения – не только указатели на производимое говорящим особое ментальное действие, но и знаки необходимой активизации собственного мыслительного процесса. Это формальные средства, которые говорящий вводит только тогда, когда на это имеются какие-то особые причины, условия, заставившие говорящего использовать такой знак. Языковые репрезентаторы сомнения, таким образом, являются знаками предложения адресату осуществить аналогичную произведенной самим говорящим операцию оценки действительности, и только затем квалифицировать событие с точки зрения вероятности его осуществления в действительности. Модальные частицы как служебные элементы приобретают здесь статус знаков, ориентированных на перспективу стратегии мышления говорящего, знаков для адресата, знаков «приглашения к согласию» с предлагаемой квалификацией события. При этом квалификация события в аспекте сомнения производится как мыслительная логическая операция, а вербализаторы сомнения выступают как формальные знаки этой операции. Именно таким образом при помощи индексального знака в высказывании кодируется определенного рода (сомнительная) информация, которая передается говорящим для адресата с целью речевого воздействия на него.

С сомнением соотносится проблема исследования возможных миров [7: 39; 8: 28-39; 9]. Под возможным миром понимается мир, который возможен по отношению к действительному миру: то, что истинно в одном из миров, может оказаться ложным в другом. Для высказываний, в которых выражено сомнение, данная проблема особенно актуальна, так как использование формального языкового средства с семантикой сомнения увеличивает, с точки зрения говорящего, возможность проявления события в каком-то из возможных миров, а в другом – уменьшает. Для высказываний, выражающих сомнение, характерна речевая актуализация говорящим возможного мира, точнее нескольких возможных миров, один из которых предлагается выбрать адресату. Для говорящего это важно, так как сомневаясь в чем-то, он «настроен» на результат осуществления операции сомнения в коммуникативном процессе, ожидает адекватного распознавания данной операции адресатом и желательного совпадения позиции адресата со своей собственной.

Говорящий пытается таким образом избежать коммуникативных лагун. Им допускается, что существует область миров, в которой результат сомнения будет максимально возможен, приближен к достоверному, потому что условия его реализации будут способствовать этому: *Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует (Н. Гоголь); -Почему вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя? (В. Головачев); -Варвара! – сказал*

он в нос. – *Неужели ты, в самом деле, уходишь от меня к Птибурдукову? – Ответа не было (И. Ильф, Е. Петров).* Напротив, имеется и вероятность осмысления события как ложного, не соответствующего действительности (Ср.: *-И я сомневаюсь, – пробормотал Костров, – Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты? (В. Головачев); Чувство тревоги было ему тогда незнакомо? Едва ли (Ю. Манн).* В действительном же мире («здесь» и «сейчас»), где реальный, то есть фактический результат события говорящим не обозначен, данное событие будет характеризоваться только как относительно истинное.

С проблемой сомнения соотносится и сфера лингвистических исследования степеней уверенности говорящего в сообщаемом. Степень уверенности оказывает влияние на использование субъектом в высказывании тех или иных языковых средств. Высокая степень сомнения соотносится, как правило, с большей степенью уверенности говорящего в сказанном, если условия осуществления/неосуществления события максимально, по мнению говорящего, соответствуют этому: *-Можно просить вас, чтобы вы не раскручивали то, что в Мюнхене вам открыл господин Гаузнер, проявив понятную слабость? -Вряд ли. Так что кончайте всю эту историю, кричать я не стану (Ю. Семенов).* Однако сама степень уверенности, поскольку это субъективный фактор – при неподкреплённости его объективным знанием, не может являться критерием для правильности или неправильности осмысления конечного результата события как достоверного или сомнительного. Поэтому вне зависимости от степени уверенности высказывание с модальными показателями сомнения служит формой выражения только вероятностного знания: *И если бы Он вторично решил взвалить на себя ношу грехов наших и взошел бы на крест, то и тогда навряд ли тронул бы души людей (Ч. Айтматов); Тетя Душа тяжело заболела, и, если бы не доктор Чернышев и бабушка Ася, едва ли бы она справилась (Б. Костюковский).*

С другой стороны, нельзя не учитывать и собственно семантические характеристики языковых средств, используемых для выражения сомнения. Например, модально-сомнительные частицы *вряд ли, едва ли* обозначают большую степень уверенности говорящего в сообщаемом, чем частицы модально-предположительной группы (*чай, авось, небось* и др.). *Едва ли, вряд ли* употребляются, как правило, в суждениях, которые базируются на владении говорящим какой-то долей фактической или эмпирической информации: *Эзоповская, рабья речь едва ли когда-нибудь будет еще звучать таким зыбким трагизмом (И. Анненский); Могу только сказать, что, если бы он был не виноват, едва ли он стал бы возиться с этой историей всю жизнь (В. Каверин); -Наступит кризис. Сэр Фредерик едва ли доживет до завтрашнего вечера (Р. Штильмарк).* Предположительные же частицы допускают употребление в большинстве своем только в предположительных суждениях, содержащих в основе равную возможность допущения противоположных результатов (*Поди еще одумается, негодник, – прямиком объявила бабушка (ж.т.).*

Сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному положению вещей: *– Вот отвезу – и отойду. И совсем уйду. -Ну, брат, навряд! (И. Бунин); -А с Лизой в ссоре я? – Хоть тем могу я льститься, Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться (А. Грибоедов); Рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового (А. Солженицын).*

Сомневаясь, субъект лично квалифицирует событие. Данная квалификация осуществляется «здесь» и «сейчас» – как констатация недостоверности сообщаемого. Автором вводится в предложение оценочная модусная характеристика, которая накладывается на пропозитивное содержание конструкции. Операция квалификации

осуществляется, таким образом, субъектом относительно объекта квалификации, и в операционном ключе имеет собственный план содержания и план выражения.

План содержания сомнения как квалификативного смысла типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на коннотативных факторах, обусловленных разного рода социальными, историческими и культурологическими условиями. Межкультурная универсальность сомнения как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения сомнения в национальных языках.

В плане выражения для русского языка характерна стройная ядерно-периферийная организация языковых средств, в состав которых включаются: знаменательные части речи с соответствующим значением (*сомневаться, сомнение, сомнительный, сомнительно* и под.); функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции); различные просодические средства; ядерные модально-сомнительные (*вряд ли, едва ли*) и периферийные модально-предположительные частицы (*чай, авось, небось, вроде, словно, точно, разве, ужасно, якобы, дескать* и др.). Функционально-семантическое поле сомнительности – сложное, иерархически организованное образование с четко проявленным ядром и богатой периферией.

Смысл «сомнение», являющийся семантическим составляющим речевой ситуации относительной достоверности, включается в группу коммуникативно-прагматических смыслов. Данные смыслы выражают коммуникативно оформленный результат персуазивной квалификации события субъектом. Если логические смыслы «возможность» и «вероятность» основываются на объективных условиях возможного осуществления ситуации, то собственно квалификативные смыслы вводятся говорящим непосредственно для решения поставленной коммуникативной задачи. Это смыслы уточняющего характера, которые, как уже говорилось, определяют соотношение высказываемого и действительности в координатах «здесь» и «сейчас» в приложении на точку зрения говорящего. Смысл «сомнение» сконцентрирован на уточнении пропозиции предложения, и как сугубо «личностный» смысл связан с действительностью в большинстве случаев опосредованно – через логические смыслы «возможность» и «вероятность».

Концептуальная база для сомнения – предположение. Последнее исходит из возможности. Предполагать можно то, что является возможным или невозможным, что потенциально осуществимо либо неосуществимо. Таким образом, связь предположения и возможности налицо. Но предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, через его видение мира, в то время как возможность зависит не только и не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют вне данного фактора в объективной реальности. Таким образом, предположение – основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто: *-Ну, прощайте, други... Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели (И. Тургенев); -Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете! Авось все, что я говорю, правда! (А. Чехов).*

Там, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля предположительности, однако последняя не превалирует, так как интенция сомневающегося субъекта заключается не столько в том, чтобы предположить об описываемом, сколько в том, чтобы выразить неуверенность в достоверности или недостоверности факта, в истинности чего-либо, актуализировать некую спорность проблемы, колебание, возникающее при необходимой для говорящего квалификации события: *Ты вроде уже говорил мне об этом (В. Шшиков); -Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да, верно, ей это прошло. -Не знаю, – говорю, – что-то будто и не слышно, не кричит (Н. Лесков); Как вдруг из расспросов сиделки, Покачавшей головой, Он понял, что из переделки Едва ли выйдет он живой (Б. Пастернак); -Ну, а почему бы и нет?.. -Да ужасно? (В. Шукшин).* В результате высказывания со значением сомнения активно

смещаются к смысловому полюсу отрицания. Это логически оправданно: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближенно к обозначенному полюсу. В то же время с отрицательными подобными высказываниями не смыкаются. Возможность осуществления факта хотя и подвергнута говорящим сомнению, однако не отрицается полностью. На это у автора либо нет достаточных оснований, либо, напротив, имеются особые причины, препятствующие нейтральной утвердительной или отрицательной констатации. Отрицания не происходит даже в том случае, если в высказывании выражена глубокая степень сомнения, как правило, базирующаяся на знании говорящим объективных обстоятельств, на основе которых и возникает его субъективное мнение: *-Ты помнишь меня, малышка? – спросил он. – Хотя вряд ли: тебе было всего три года, когда я был у вас в последний раз (А. Волков); Как уже случалось раньше, он едва ли придет («Комсомольская правда»)*. В этом проявляется специфичность сомнения как смысла, отражающего фактор антропоцентризма в концептосферах говорящего и адресата.

Важной характеристикой мотивационной сферы сомнения является аспект обоснованности субъектом собственного мнения, что в свою очередь актуализирует проблему степеней осведомленности субъекта. Как языковая, так и внеязыковая мотивация степени осведомленности субъекта может служить базой для градации оттенков сомнения, диапазон которых достаточно обширен – от логически обоснованного сомнения до сомнения необоснованного, случайного, сиюминутного. В то же время даже при поверхностном анализе проблемы выясняется, что логически обоснованное, мотивированное сомнение, никогда не может быть приравнено к отрицательной констатации факта. Нежелание брать ответственность за фактичность высказываемого дает говорящему право «синтаксически дипломатично» квалифицировать результат ситуации: *Вряд ли есть вообще что-либо достойнее, чем стремление совершенствовать свой дух, увековечить себя в труде, в творениях своих (О. Гончар); - Ага...Так...Чай, теперь все пошло по-новому, не так, как при нас было (А. Чехов); - Ну вот, – сказал Дик, – вроде заматал я тебя сносно (К. Бульчев)*.

Исследование смысла «сомнение» должно базироваться на учете не только лингвистических, но и суперлингвистических факторов. В этом аспекте формальные языковые элементы характеризуются как показатели, отражающие лишь начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, далее конкретизируемого подключением средств других уровней, в первую очередь контекстуального и интонационного. Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «сомнение», фиксируемого формальным языковым элементом. Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавное наложение одного смысла на другой, совмещение их: *-Небось и не придет больше, – терзался сомнениями сосед (Ю. Тупицын); Но вряд ли вам, Аристарх, удастся быстро отыскать узел пересечения, даже если он существует (В. Головачев); И вряд ли мне удастся достичь совершенства (Ю.Тупицын); Но едва ли он видел эти узоры (В. Головачев)*.

Аспект обоснованности мнения служит одним из дифференциальных критериев, на который ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой Разве ты со мною не была? (А. Блок) – сомнение, осложненное желательностью; Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось непоправимого (Е. Носов) – сомнение, осложненное опасением; Он вряд ли мог мечтать о таком развитии события – сомнение, осложненное возможностью; Действительно, он едва ли сможет вовремя вернуться – сомнение, осложненное акцентированным подтверждением*. При этом должен быть учтен фактор, что структура персуазивного смысла сложна. Редким исключением являются случаи, когда персуазивный смысл, в том числе и смысл «сомнение», выступает в своем неосложненном варианте. Осложнения, образуемые кон-

нотативными, текстовыми наслоениями, разного рода оценочными и ситуативными факторами, прагматически обусловленными и оправданными, – все это подводит к тому, что сфера общего квалификативного смысла высказывания должна исследоваться системно и поэтапно, с коммуникативно-прагматических позиций.

Комплекс актуализированных проблем позволяет утверждать, что универсальность сомнения как квалификативного смысла, отражающего фактор антропоцентризма на языковом и речевом уровнях, базируется на универсальности ментальной операции сомнения, логически обоснованной, связанной с ипостасями субъекта и адресата, имеющей прямое отношение к речевой ситуации относительной достоверности, к языковой и концептуальной картинам мира социума, сферам ментальности и оценки. Данная проблема интересна по своей сути и требует детального изучения. Несомненно, на наш взгляд, что квалификативный смысл «сомнение» является важной составляющей концептосферы индивида. В ментальном и коммуникативном процессах он предназначен для решения поставленных перед говорящим и адресатом важных коммуникативных и ментально-перцептивных задач. В этом плане нерархизация модальных смыслов, их упорядочивание и систематизация являются необходимыми. Дальнейшее изучение антропоцентрической составляющей блока модально-квалификативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область ментально-коммуникационного пространства субъекта, в этом плане представляется перспективным.

Список литературы

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
2. Философский энциклопедический словарь / Ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
5. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 358 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
7. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 382 с.
8. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. – Новосибирск: Наука, 1977. – 191 с.
9. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

MEANING “DOUBT” AND THE SPEECH SITUATION OF THE RELATIVE CERTAINTY AS THE REFLECTION OF ANTHROPOCENTRISM FACTOR IN CONCEPT-SPHERES OF A SPEAKER AND AN ADDRESSEE

I. A. Nagorny

Belgorod State University

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article deals with the essence of qualification modus of meaning «doubt» and the situation of relative certainty in concept-spheres of the speaker and the addressee as the reflection of anthropocentrism factor on the communicative level. We analyze the plans of content and expression of doubt, the means of representation of doubt in the Russian language, as well as modality-qualification meanings in statements with linguistic means of doubt expression.

Key words: qualification, meaning, doubt, communicative-pragmatic situation, modality-qualification meanings, concept-sphere, particles.